

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1316-1323
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1316

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problematic Factors in the Formation of a Positive Image of the Russian Monarch among Students in the Kingdom of Poland in the late 19th – early 20th centuries

Sergey I. Belov ^{a, b, *}

^a Science Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the topic of problematic factors that blocked the process of forming a positive image of the Russian monarch among students in the Kingdom of Poland in the late 19th – early 20th centuries. The source base of the work includes materials deposited in the funds of the State Archive of the Russian Federation and the Russian State Historical Archive. The research methodology includes elements of structural and comparative analysis. The author comes to the conclusion that in the structure of factors that blocked the promotion of a positive image of the emperor among Polish students, three levels can be distinguished. Firstly, geopolitical considerations and the experience of past conflicts pushed the political leadership of the empire to implement projects of accelerated integration of the Kingdom of Poland, which, taking into account the specifics of the structure of the social memory of the Poles, in itself formed a stable negative frame for the discursive perception of the images of autocrats. Secondly, the implementation of this program on the ground was carried out in an exaggerated form, either formally, or was of a half-hearted nature. At the same time, the quality of the corps of civil servants remained insufficiently high, and the general attitude of officials towards the Polish population was determined mainly by distrust. In conditions of chronic underfunding and poor quality of administration, integration projects did not give a positive effect, but only irritated ethnic Poles and, above all, the national intelligentsia. Thirdly, the efforts to Russify Warsaw University and limit the public activity of students, along with the selectively tough attitude of the authorities towards this university, initially formed negative attitudes towards the head of state among students.

Keywords: Poland, Vistula region, students, positive image, emperor, monarchy, factor.

1. Введение

В конце XIX – начале XX вв. Польша по праву считалась одним из наиболее «проблемных» регионов Российской империи. С момента присоединения к России на ее территории дважды вспыхивали крупномасштабные восстания, подавление которых потребовало организации полномасштабных боевых действий против мятежников. Польские добровольцы регулярно выступали против России в армиях почти всех ее противников, включая отряды кавказских горцев. При этом факт наличия многочисленного польского населения на сопредельных территориях Германии и Австро-Венгрии вкупе с попытками Габсбургов и Гогенцоллернов организовать данную часть своих подданных для участия в планируемой войне против России и автоматически превращал жителей региона в потенциальную «пятую колонну» в глазах российских чиновников. По этой причине власти империи активно пытались ускорить процесс интеграции края, в том числе за счет продвижения позитивных образов России и ее государственности. Значимую часть соответствующего символического ряда составляла галерея образов российских монархов. Однако позитивный образ

* Corresponding author

E-mail addresses: belov2006s@yandex.ru (S.I. Belov)

самодержца, как правило, с большим трудом продвигался в широких массах. А среди образованной молодежи, в особенности студенчества, (т.е. фактически «рассадника» будущей польской элиты) он и вовсе встречал отторжение.

Данный аспект общественно-политической повестки на польских территориях империи в конце XIX – начале XX вв. нашел широкое освещение в научной литературе. Однако интерпретация соответствующих явлений до сих пор носит дискуссионный характер. В одних случаях неприязнь к образу монарха объясняют личными качествами конкретного императора (что зачастую связано с предвзятостью автора исследования), в других и вовсе рассматривают как данность, признавая фактически безальтернативность негативного отношения польских студентов к правителям империи (автоматически приписывая польской молодежи и интеллигенции в качестве имманентного свойства русофобию). За счет этого объективные факторы, обусловившие низкую степень восприимчивости польской образованной молодежи к попыткам продвижения позитивного образа российского монарха, до сих пор остаются на периферии области исследовательских интересов, изучаются по остаточному принципу и до сих пор не приобрели статуса самостоятельного объекта исследования.

Цель данной работы – выявить конкретные исторические условия, препятствовавшие формированию позитивного образа русского монарха среди студенчества в Царстве Польском в конце XIX – начале XX вв.

2. Материалы и методы

Источниковая база основывается в первую очередь на неопубликованных материалах архивных фондов. При подготовке работы широко использовались делопроизводственные материалы в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (далее РГИА). В первом случае автор обратился к документам из фонда канцелярии Варшавского генерал-губернатора, во втором – к содержимому фондов канцелярии главы Министерства внутренних дел, Департамента общих дел МВД и личного фонда министра просвещения И.Д. Делянова. Также при написании исследования использовались источники личного происхождения: воспоминания С.Ю. Витте, В.И. Гурко, Ф.А. Головина, А.И. Деникина, А.И. Гучкова, А.И. Деникина, А.А. Кизеветтера, В.Н. Коковцова. Дополнительно были проанализированы опубликованные циркуляры и распоряжения МВД по отношению к региональным и местным властям.

Методология исследования включает в себя элементы структурного и сравнительного анализа.

Структурный анализ позволил нам выделить конкретные факторы, блокировавшие продвижение положительного образа монарха, и увязать их между собой в единый комплекс. Сравнительный анализ дал возможность выстроить иерархию «блокирующих условий», определив купирующие факторы первого и второго порядков.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема получила широкое освещение, однако ее изучение проводилось в большинстве случаев в контексте политической полемики, а исследователи отстаивали детерминированные определенной идеологией точки зрения и во многом следовали социальному заказу (Гильфердинг, 2009а; Гильфердинг, 2009b; Гурко, 1897; Корнилов, 1915; Рождественский, 1902; Спасович, Пильц, 1903).

Советская историография темы включает в себя широкий круг работ с высоким уровнем источниковой фундированности: работавшие в соответствующий период исследователи проделали огромную работу с точки зрения введения в научный оборот неопубликованных ранее материалов в первую очередь неопубликованных делопроизводственных документов. Равным образом был подробно освещен и проанализирован экономический контекст динамики общественного мнения на территории Привислинского края. Но в то же время исследователи были вынуждены адаптировать свои выводы к установкам официальной идеологии и историографическим стереотипам, закрепленным в творческом наследии основателей правящей партии, в том числе в ключе стигматизации национальной политики последних императоров (Бурмистрова, 1962; Зайончковский, 1970).

В современный период были предприняты активные попытки ревизии темы на основе ее деполитизации, привлечения иноязычных источников и использования междисциплинарных подходов. Однако в то же время имели место смещение фокусов внимания исследователей на персоны конкретных исторических деятелей (что способствовало распространению их апологетики), влияние на развитие научных изысканий «мемориальных войн» между Россией и Польшей и трансформацию дискурса под воздействием конъюнктуры политики памяти государства и иных значимых мнемонических акторов. Помимо того, отдельные исследователи активно заимствовали ранее сложившиеся историографические стереотипы, несмотря на существенное обновление источниковой базы и исчезновение прямой идеологической детерминированности (Баглай, 2016; Бовуа, 2012; Боханов, 2006а; Боханов, 2006b; Верняев, 2018; Верт, 2012; Вишленкова, 2012; Воронин, 2012; Вортман, 1999; Гольдин, 2012; Горизонтов, 1999; Григорьева, 2015; Дамешек, Дамешек, 2017; Дякин, 1995; Кисляков, 2011; Кудряшев, 2013; Кудряшев, 2018; Майорова, 2012; Миллер, 2007; Миронов, 2003; Мюллер и др., 2017; Сосновских, 2016; Урусов, 1896).

Как следствие, сконструированная историками объяснительная модель, используемая для интерпретации образа российского монарха польским студенчеством, характеризуется не только наличием существенных лагун, но и несет на себе следы политической конъюнктуры, что указывает на необходимость дополнительных изысканий в области соответствующей проблематики.

4. Результаты

В роли базового фактора, препятствовавшего формированию позитивного образа русского монарха среди студенчества в Царстве Польском в исследуемый период выступало недоверие властей к соответствующей социальной группе (имевшее под собой реальные основания). Как жандармы, так и представители полиции сообщали политическому руководству империи о высоком уровне оппозиционных настроений среди польских студентов и наличии у них готовности активно участвовать в любых антиправительственных акциях. При этом подчеркивалось, что протестная активность польских студентов может быть использована внешними противниками России (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 5. Л. 23; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л.17, 48, 79). В то же время политики в Петербурге скептически относились к предложениям относительно урегулирования ситуации за счет уступок польскому национальному движению: предыстория восстаний 1830–1831 г. и 1863–1864 гг. убеждала их в бесперспективности этой модели. В то же время руководство империи было хорошо осведомлено об успехах политики ассимиляции польского населения, проводимой властями Германии. Все это способствовало формированию жесткого курса в отношении «студенческой оппозиции», что закономерно закрепляло негативные стереотипы в рамках восприятия образа монарха польской образованной молодежью (Баглай, 2016: 800; Гильфердинг, 2009b: 279).

Дополнительным аргументом в пользу сохранения жесткой позиции в отношении «бунтующих студентов» являлось оформление в конце 1870-х – начале 1880-х гг. военно-политического альянса Германии, Австро-Венгрии и Италии. Сразу после создания данного блока российское руководство начало рассматривать Польшу в качестве главного театра боевых действий в ходе потенциального конфликта. Как следствие, вопрос обеспечения прочного тыла для российских войск в Польше приобрел стратегическое значение (Горизонтов, 1999: 34, 35).

Источником серьезных проблем в плане формирования позитивного образа монарха оставалось и восприятие его предшественников. Память о Екатерине II прочно ассоциировалась у польских студентов с ликвидацией Речи Посполитой, образ Александра I – с поглощением Россией Великого герцогства Варшавского, которое польские историки позиционировали в качестве возрожденного национального государства. Николай I воспринимали сквозь призму поданной в националистическом ключе истории восстания 1830–1831 гг. Правление Александра II (даже вне контекста восстания 1863–1864 гг.) также воспринималось негативно: императору вменяли в вину распространение на территории Польши действия судебной и военной реформ, изъятие права региона на формирование отдельного бюджета и в целом ликвидацию его административной автономии и, конечно же, запуск переходов учреждений среднего и начального образования к преподаванию на русском языке (Вортман, 1999: 238; Гурко, 1897: 51, 52; Дякин, 1995: 133).

Негативное позиционирование политики российских монархов в отношении Польши в мемориальном поле закономерно сформировало весьма четкие рамки восприятия деятельности Александра III и Николая II, которые последовательно пытались интегрировать польские территории в состав империи за счет унификации «гражданского быта» и борьбы с их «духовным обособлением», т.е. «политически перевоспитать регион». При этом важно отметить, что оба монарха четко обозначили перед членами кабинета министров задачу донести до польского общества и в первую очередь до образованной молодежи четкий месседж: Польша была, есть и будет частью империи, и ее будущее неразрывно связано с судьбой России (Гучков, 1993: 53; Дякин, 1995: 133; РГИА. Ф. 1274. Оп. 223. Д. 243. Л. 2, 11, 13).

Вполне ожидаемо: польское студенчество, в массе своей настроенное националистически, достаточно агрессивно реагировало на такого рода риторике. Роль факультативного фактора, вызывавшего раздражение у учащейся молодежи, играла непоследовательность и бессистемность реализации на местах курса, заданного Петербургом. Последнее было связано в первую очередь с отсутствием согласованности в действиях ведомств. С одной стороны, в рамках системы гражданского и военного управления краем управлял аппарат генерал-губернатора. С другой стороны, реализация культурной и образовательной политики оставалась прерогативой попечителя Варшавского учебного округа. При этом нормативно-правовое регулирование их деятельности во многих аспектах изобиловало пробелами, следствием чего стало отсутствие четкого разграничения полномочий, порождавшее частые конфликты между отдельными ведомствами. Как следствие, многие инициативы центра реализовывались частично или формально, в силу чего их полезный эффект минимизировался. Как результат, «эксцесс исполнителя» приводил к тому, что инициативы имперского центра воспринимались на местах в искаженном виде (Гурко, 2000: 77; Коковцов, 1992: 95).

Ситуацию усугубляло то, что, по отзыву возглавившего край в 1897 г. князя А.К. Имеретинского, кадровый состав бюрократического аппарата в регионе не соответствовал тяжести возложенных на него задач. Генерал-губернатор отмечал, что «русская» часть чиновничества, с одной стороны,

обладает слишком низкой квалификацией относительно сложности поставленных перед нею задач и слабо мотивирована материально, с другой – в массовом порядке демонстрирует наличие предвзятости к польскому населению (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 239. Л. 15 – 17, 21, 162, 163).

Впрочем, на практике четкое разграничение их функций зачастую отсутствовало. Многие государственные учреждения находились в двойном подчинении по линии как Министерства внутренних дел, так и Министерства просвещения. Естественным следствием этого стало широкое распространение межведомственных конфликтов, провоцировавшее соперничество между генерал-губернатором и попечителем учебного округа. Последнее закономерно снижало эффективность решения задач, поставленных перед ними монархом (Кудряшев, 2018: 98; Мюллер и др., 2017: 204; Спасович, Пильц, 1903: 31).

Отдельно необходимо отметить, что в течение почти двух десятилетий прямое управление Польшей (на тот момент именовавшейся Привисленским краем) было доверено двум администраторам, занимавшим максимальную жесткую позицию относительно проведения в жизнь инициатив, озвученных руководством империи, за счет чего воля императора зачастую воплощалась в жизнь в гипертрофированной форме (Витте, 1960: 71; Кизеветер, 2001: 112).

И именно в этот период в сознании молодых поляков были прочно закреплены многие негативные стереотипы восприятия фигуры монарха. В 1879–1897 гг. обязанности попечителя Варшавского учебного округа исполнял А.Л. Апухтин. В 1883–1894 пост генерал-губернатора края занимал И.В. Гурко. Они часто вступали между собой в конфликты относительно разграничения сферы полномочий, но оба являлись решительными сторонниками русификации края. Благодаря этому руководству империи длительное время транслировалась одновременно по двум линиям коммуникации одна позиция в отношении оценки ситуации в крае в целом, настроений студенчества и перспектив взаимодействия с ним со стороны властей.

Одновременно данный политический тандем активно реализовывал в крае политику, которая не могла не спровоцировать рост недовольства среди польской интеллигенции, в том числе – радикально настроенного студенчества (Миллер, 2007: 342).

С одной стороны, они лоббировали внедрение ограничений на владение земельными владениями в Западном крае (на юге Литвы, на Украине и в Белоруссии) для этнических поляков. Эта мера была предпринята с целью «деполонизации» местного дворянства, но фактически коснулась всех поляков и была расценена как мера дискриминации. Радикальные националисты увидели в действиях властей попытку вытеснить поляков с большей части территории исторической Речи Посполитой, что способствовало всплеску экстремистских настроений среди части польского студенчества (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 406. Л. 77; Гурко, 1897: 89, 90; Майорова, 2012: 112).

Были введены ограничения для католических гимназий и религиозных объединений. Их деятельность подлежала регулярным проверкам со стороны местной администрации. Предполагалось, что данная мера приведет к сокращению числа католических организаций. Однако она спровоцировала обратный эффект. При этом ключевую роль в создании новых братств, наряду с ксендзами, играли именно студенты, рассматривавшие религиозные объединения как легальную форму для организации политической деятельности. Власти под разными предлогами старались закрывать эти объединения, но данная практика способствовала лишь возникновению нелегальных религиозных братств (Спасович, Пильц, 1903: 91-93; ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 301. Л. 54-57; Урусов, 1896: 87, 88, 91).

Недовольство среди студентов вызывали и попытки властей расширить масштабы использования русского языка в образовательном процессе. Начиная с марта 1885 г. преподаватели могли использовать польский язык лишь в рамках занятий по таким предметам, как «закон Божий» и Родная речь (Рождественский, 1902: 538, 539). При этом на практике чиновники добивались, вопреки норме закона, ужесточения правил, и требовали преподавания на русском языке всех предметов. Важно отметить, что польский язык не относился к числу обязательных предметов и не предполагал сдачи экзамена. Более того, использование польского языка в рамках повседневного общения в учебном заведении также было запрещено. При этом на практике данный запрет не приводил к реальной русификации: польские педагоги и студенты выполняли его лишь формально (Бок, 1992: 35; ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 882. Л. 34-37; Деникин, 1990: 12-15, 25, 27).

На этом реформы в сфере образования не ограничивались. После унификации устава Варшавского университета с регламентами организации прочих российских вузов был введен запрет на функционирование любых объединений студентов, не имевших научного характера. Согласно неформальному предписанию, этнических поляков почти не допускали до должности заведующего кафедрой и выше (Спасович, Пильц, 1903: 85; Урусов, 1896: 395, 397).

Вполне ожидаемо, в период начала революционных событий польские студенты начали проводить массовые акции с требованием перехода к преподаванию на польском языке. В итоге в январе 1906 г. вуз закрыли. Более того, Варшавский университет в итоге остался единственным российским вузом, в котором к 1907 г. не были возобновлены занятия. Университет возобновил работу только в 1908 г. Однако в новых условиях среди его абитуриентов почти отсутствовали этнические поляки. В итоге напряженность в отношениях между студенчеством и властями росла.

Волнения в 1911 г. были подавлены силой, после чего польское население начало массово бойкотировать вуз (ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 15. Л. 81; Корнилов, 1915: 221).

5. Заключение

Таким образом, можно заключить, что на рассматриваемый период сразу несколько групп факторов блокировали успешное продвижение позитивного образа российского монарха среди польских студентов.

Во-первых, геополитические соображения и опыт конфликтов прошлого подталкивали политическое руководство империи к реализации проектов форсированной интеграции Царства Польского, что с учетом специфики структуры социальной памяти поляков, само по себе формировало устойчивую негативную рамку дискурсивного восприятия образов самодержцев.

Во-вторых, реализация данной программы на местах осуществлялась в гипертрофированном виде либо формально, или же носила половинчатый характер. При этом качество корпуса госслужащих оставалось недостаточно высоким, а общий настрой чиновничества в отношении польского населения определялся преимущественно недоверием. В условиях хронического недофинансирования и низкого качества администрирования проекты интеграции не давали позитивного эффекта, а лишь раздражали этнических поляков и в первую очередь национальную интеллигенцию.

В-третьих, усилия по русификации Варшавского университета и ограничению общественной активности студенчества наряду с избирательно жестким отношением властей к данному вузу изначально формировало среди студентов негативные установки по отношению к главе государства.

6. Благодарности

Проект № 1022062000240-7 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Литература

Баглай, 2016 – Баглай С.С. Особенности национальной политики в период правления Александра III и Николая II // *Молодежь третьего тысячелетия. Сборник научных статей*. Омск, 2016. С. 798-801.

Бовуа, 2012 – Бовуа Д. «Другой» не должен быть безликим // *Российская история*. 2012. № 4. С. 58-61.

Бок, 1992 – Бок М. П.А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М., 1992.

Боханов, 2006a – Боханов А.Н. Император Александр III. 4-е изд. М., 2006.

Боханов, 2006b – Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.

Бурмистрова, 1962 – Бурмистрова Т.Ю. Национальная политика партии большевиков в Первой русской революции 1905-1907 гг. Л., 1962.

Верняев, 2018 – Верняев И.И. Решение холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской империи начала XX в. // *Русин*. 2018. Т. 53. Вып. 3. С. 97-114.

Верт, 2012 – Верт П. Заметки на полях многочисленных страниц // *Российская история*. 2012. № 4. С. 48-52.

Витте, 1960 – Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.

Вишленкова, 2012 – Вишленкова Е.А. «А Вы, собственно, кто?» // *Российская история*. 2012. № 4. С. 84-85.

Воронин, 2012 – Воронин В.Е. Конфессиональная политика самодержавия не отличалась «католикофобией» // *Российская история*. 2012. № 4. С. 71-73.

Вортман, 1999 – Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // *РОССИЯ/RUSSIA*. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М., 1999. С. 233-244.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гильфердинг, 2009a – Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос / *Россия и славянство*. М., 2009. С. 168-251.

Гильфердинг, 2009b – Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе / *Россия и славянство*. М., 2009. С. 278-295.

Головин, 2006 – Головин Ф.А. Николай II // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. М., 2006. С. 11-25.

Гольдин, 2012 – Гольдин С. Вызов историографическим канонам // *Российская история*. 2012. № 4. С. 64-66.

Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.

Григорьева, 2015 – Григорьева А.А. Русско-польские отношения (панславистский контекст) // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 392. С. 103-106.

Гурко, 1897 – Гурко В.И. Очерки Привислянья. М., 1897.

- Гурко, 2000 – Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Гучков, 1993 – Гучков А.И. А.И. Гучков рассказывает... М., 1993.
- Дамешек, Дамешек, 2017 – Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраинная политика как фактор устойчивости Российской империи XVIII – начала XX в. // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2017. Т. 21. С. 23–29.
- Деникин, 1990 – Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. 300 с.
- Дякин, 1995 – Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // *Вопросы истории*. 1995. № 9. С. 130–142.
- Зайончковский, 1970 – Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. 444 с.
- Кизеветер, 2001 – Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914. М., 2001.
- Кисляков, 2011 – Кисляков А.С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи. Конец XIX – начало XX в. // *Вопросы истории*. 2011. № 11. С. 135–143.
- Коковцов, 1992 – Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Т 2. М., 1992.
- Корнилов, 1915 – Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Петроград, 1915. 395 с.
- Кудряшев, 2013 – Кудряшев В.Н. Идея русской нации в общественно–политической мысли России второй половины XIX в.: проблемы национальной идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2013. № 1. С. 58–66.
- Кудряшев, 2018 – Кудряшев В.Н. "Польский вопрос" в русской либеральной публицистике 1860–1880–Х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 431. С. 97–103.
- Майорова, 2012 – Майорова Е.И. Александр III – богатырь на русском троне. М., 2012. 284 с.
- Миллер, 2007 – Миллер А.И. Русский национализм в империи Романовых / Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 332–350.
- Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003. Т. 1.
- Мюллер и др., 2017 – Мюллер А.М., Рябова А.Л., Саблина М.А. Национальная политика Александра III // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 11 (34). С. 201–208.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рождественский, 1902 – Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902.
- Сосновских, 2016 – Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 1 (14). С. 205–207.
- Спасович, Пильц, 1903 – Россия и ее западные окраины. Ответы на очередные вопросы в Царстве Польском. Под ред. В. Спасовича и Э. Пильца. Киев. 1903.
- Урусов, 1896 – Урусов В.П. Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел, относящихся до губернаторов, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярии губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений с 1858 по 1896 гг. М., 1896.

References

- Baglai, 2016 – Baglai, S.S. (2016). Osobennosti natsional'noi politiki v period pravleniya Aleksandra III i Nikolaya II [Features of national policy during the reign of Alexander III and Nicholay II]. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya. Sbornik nauchnykh statei*. Pp. 798–801. [in Russian]
- Bok, 1992 – Bok, M. (1992). P.A. Stolypin: Vospominaniya o moem ottse [Stolypin: Memories about my father]. М. [in Russian]
- Bokhanov, 2006 – Bokhanov, A.N. (2006). Poslednii tsar' [Emperor Alexander III]. М. [in Russian]
- Bokhanov, 2016 – Bokhanov, A.N. (2006). Imperator Aleksandr III [Emperor Alexander III]. 4-e izd. М. [in Russian]
- Bovua, 2012 – Bovua, D. (2012). «Drugoi» ne dolzhen byt' bezlikim [“The Other” should not be faceless]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 58–61. [in Russian]
- Burmistrova, 1962 – Burmistrova, T.Yu. (1962). Natsional'naya politika partii bol'shevikov v Pervoi russkoi revolyutsii 1905–1907 gg. [The National policy of the Bolshevik Party in the First Russian revolution 1905–1907]. L. [in Russian]
- Denikin, 1990 – Denikin, A.I. (1991). Put' russkogo ofitsera [The path of the Russian officer]. М., 300 p. [in Russian]
- Dyakin, 1995 – Dyakin, V.S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*. 9: 130–142. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

- Gil'ferding, 2009a** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Pol'skii vopros [The Polish Question]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., Pp. 168-251. [in Russian]
- Gil'ferding, 2009b** – *Gil'ferding, A.F.* (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade [Russia and its foreign suburbs in the west]. *Rossiya i slavyanstvo*. M., pp. 278-295. [in Russian]
- Gol'din, 2012** – *Gol'din, S.* (2012). Vyzov istoriograficheskimi kanonami [Challenge to historiographical canons]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 64-66. [in Russian]
- Golovin, 2006** – *Golovin, F.A.* (2006) Nikolai II. Nikolai Vtoroi [Nicholas II]. *Vospominaniya. Dnevnik*. M., pp. 11-25. [in Russian]
- Gorizontov, 1999** – *Gorizontov, L.E.* (1999). Paradoksy imperskoi politiki: pol'yaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.) [Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX – beginning of XX century)]. M., 270 p. [in Russian]
- Grigor'eva, 2015** – *Grigor'eva, A.A.* (2015). Russko-pol'skie otnosheniya (panslavistskii kontekst) [Russian-Polish relations (pan-Slavic context)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 392: 103-106. [in Russian]
- Guchkov, 1993** – *Guchkov, A.I.* (1993). A.I. Guchkov rasskazyvaet... [Guchkov says...]. M. [in Russian]
- Gurko, 1897** – *Gurko, V.I.* (1897). Ocherki Privislyan'ya [Essays on Privislyan'ya]. M., 1897. 377 p. [in Russian]
- Gurko, 2000** – *Gurko, V.I.* (2000). Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovanie Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika [Features and silhouettes of the past. The government and the public in the reign of Nicholas II in the image of a contemporary]. M. [in Russian]
- Kislyakov, 2011** – *Kislyakov, A.S.* (2011). Formirovanie natsional'nykh partii na zapadnykh okrainakh Rossiiskoi imperii. Konets XIX – nachalo XX v. [Formation of national parties on the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii*. 11: 135-143. [in Russian]
- Kizeveter, 2001** – *Kizeveter, A.A.* (2001). Na rubezhe dvukh stoletii. *Vospominaniya. 1881–1914* [At the turn of two centuries. Memories. 1881–1914]. M. [in Russian]
- Kokovtsov, 1992** – *Kokovtsov, V.N.* (1992). Iz moego proshlogo [From my past]. T 2. M. [in Russian]
- Kornilov, 1915** – *Kornilov, A.A.* (1915). Russkaya politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XX veka [Russian policy in Poland from the time of partitions to the beginning of the 20th century]. Petrograd, 395 p. [in Russian]
- Kudryashev, 2013** – *Kudryashev, V.N.* (2013). Ideya russkoi natsii v obshchestvenno-politicheskoi mysli Rossii vtoroi poloviny XIX v.: problemy natsional'noi identichnosti [The idea of the Russian nation in the socio-political thought of Russia in the second half of the 19th century: problems of national identity]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 1: 58-66. [in Russian]
- Kudryashev, 2018** – *Kudryashev, V.N.* (2018). "Pol'skii vopros" v russkoi liberal'noi publitsistike 1860–1880–Kh gg. ["The Polish Question" in Russian liberal journalism of the 1860–1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 431: 97-103. [in Russian]
- Maierova, 2012** – *Maierova, E.I.* (2012). Aleksandr III – bogatyr' na russkom trone [Alexander III is a hero on the Russian throne]. M., 284 p. [in Russian]
- Miller, 2007** – *Miller, A.I.* (2007). Russkii natsionalizm v imperii Romanovykh. Natsionalizm v mirovoi istorii [Russian nationalism in the Romanov empire]. M., pp. 332-350. [in Russian]
- Mironov, 2003** – *Mironov, B.N.* (2003). Sotsial'naya istoriya perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [The social history of the period of the empire (XVIII – beginning of the twentieth century)]. V 2 t. 3–e izd., ispr. i dop. SPb.: Dmitrii Bulanin, Vol. 1. 547 p. [in Russian]
- Myuller i dr., 2017** – *Myuller, A.M., Ryabova, A.L., Sablina, M.A.* (2017). Natsional'naya politika Aleksandra III [National policy of Alexander III]. *Rossiya v global'nom mire*. 11(34): 201-208. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Rozhdestvenskii, 1902** – *Rozhdestvenskii, S.V.* (1902). Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1802–1902 [Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education, 1802–1902]. SPb., 785 p. [in Russian]
- Sosnovskikh, 2016** – *Sosnovskikh, A.V.* (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 5. 1(14): 205-207. [in Russian]
- Spasovich, Pil'ts, 1903** – Rossiya i ee zapadnye okrainy. Otveti na ocherednye voprosy v Tsarstve Pol'skom [Russia and its Western Outskirts. Answers to regular questions in the Kingdom of Poland]. Pod red. V. Spasovicha i E. Pil'tsa. Kiev, 1903. 176 p. [in Russian]
- Urusov, 1896** – *Urusov, V.P.* (1896). Sbornik tsirkulyarov i rasporyazhenii Ministerstva vnutrennikh del, odnosyashchikhsya do gubernatorov, vitse-gubernatorov, sovetnikov gubernskikh pravlenii, kantselyarii gubernatorov, gubernskikh tipografii, stroitel'nykh i vrachebnykh otdelenii, a takzhe do gorodskikh i zemskikh uchrezhdenii s 1858 po 1896 gg. [Collection of circulars and orders of the Ministry of the Interior, relating to governors, vice-governors, advisers to provincial boards, the office of governors, provincial printing houses, construction and medical departments, as well as to city and zemstvo institutions from 1858 to 1896]. M., 482 p. [in Russian]

- Vernyaev, 2018 – Vernyaev, I.I. (2018). Reshenie kholmского voprosa: diskursivnye praktiki v Rossiiskoi imperii nachala XIX v. [The solution of the Kholm question: discursive practices in the Russian Empire of the early twentieth century]. *Rusin*. 53(3): 97-114. [in Russian]
- Vert, 2012 – Vert, P. (2012). Zаметki na polyakh mnogochislennykh stranits [Notes in the margins of numerous pages]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 48-52. [in Russian]
- Vishlenkova, 2012 – Vishlenkova, E.A. (2012). «A Vy, sobstvenno, kto?» [“And you, actually, who?”]. *Rossiiskaya istoriya*. 4: 84-85. [in Russian]
- Vitte, 1960 – Vitte, S.Yu. (1960). Vospominaniya [Memories]. T. 3. M. [in Russian]
- Vortman, 1999 – Vortman, R. (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA/RUSSIA*. 3(11): Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive. M., pp. 233-244. [in Russian]
- Zaionchkovskii, 1970 – Zaionchkovskii, P.A. (1970). Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya [Russian autocracy at the end of the XIX century]. M., 444 p. [in Russian]

Проблемные факторы формирования позитивного образа русского монарха среди студенчества в Царстве Польском в конце XIX – начале XX вв.

Сергей Игоревич Белов ^{a, b, *}

^a Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Российская Федерация

^b Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено теме проблемных факторов, блокировавших процесс формирования позитивного образа русского монарха среди студенчества в Царстве Польском в конце XIX – начале XX вв. Источниковая база работы включает в себя материалы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного исторического архива. Методология исследования включает в себя элементы структурного и сравнительного анализа. Автор приходит к выводу, что в структуре факторов, блокировавших продвижение положительного образа императора среди польского студенчества, можно выделить три уровня. Во-первых, геополитические соображения и опыт конфликтов прошлого подталкивали политическое руководство империи к реализации проектов форсированной интеграции Царства Польского, что, с учетом специфики структуры социальной памяти поляков, само по себе формировало устойчивую негативную рамку дискурсивного восприятия образов самодержцев. Во-вторых, реализация данной программы на местах осуществлялась в гипертрофированном виде либо формально, или же носила половинчатый характер. При этом качество корпуса госслужащих оставалось недостаточно высоким, а общий настрой чиновничества в отношении польского населения определялся преимущественно недоверием. В условиях хронического недофинансирования и низкого качества администрирования проекты интеграции не давали позитивного эффекта, а лишь раздражали этнических поляков и, в первую очередь, национальную интеллигенцию. В-третьих, усилия по русификации Варшавского университета и ограничению общественной активности студенчества, наряду с избирательно жестким отношением властей к данному вузу, изначально формировало среди студентов негативные установки по отношению к главе государства.

Ключевые слова: Польша, Привислинский край, студенты, положительный образ, император, монархия, фактор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: belov2006s@yandex.ru (С.И. Белов)